

О смысле и информации
как глубинных понятиях
теории социальных систем
(К выходу перевода книги
Никласа Лумана «Общество
общества»)

В. А. ЕМЕЛИН

У этой недавно вышедшей на русский язык книги нет аналогов в мировой социологической и социально-эпистемологической литературе. Единственным приближающимся по объему и широте обсуждаемых тем мог бы стать – до сих пор отсутствующий на русском языке – главный труд М. Вебера «Хозяйство и общество», но даже и в нем очевидно не уделяется столько внимания к собственному фундаменту, методологическим вопросам социологии, самореферентной работе теории над самой собой.

Книга выпущена издательством «Логос» и состоит из следующих томов: «Общество как социальная система» (2004), «Медиа коммуникации» (2005), «Эволюция» (2006), «Дифференциация» (2007), «Самоописание» (2008). Коллектив переводчиков и редакторов включает в себя А. Антоновского (переводчик, редактор), А. Глухов (переводчик), А. Круглов (редактор), О. Никифоров (переводчик, редактор, главный

редактор издательства «Логос»), Б. Скуратов (переводчик).

Почему же этот колоссальный компендиум социологического знания оказывается столь значимым именно для философии науки, для эпистемологии в целом и социозпистемологии в частности? Уже одно оглавление, изобилующее теоретико-познавательными терминами и проблемами, ставит в тупик любого практикующего социолога, показывает ему тот дефицит рефлексии методологических оснований, который характерен для актуального состояния его дисциплины.

Даже некоторые из названий глав («Смысл», «Познание», «Притязания на рациональность», «Язык», «Письменность», «Творение и планирование», «Эволюция идей», «Память», «Самонаблюдение», «Онтология», «Природа и семантика», «Теории рефлексии», «Темпорализации») создают впечатление, что речь идет не о теоретическом социологическом труде с референтом «общество», а о куль-

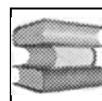
турологических штудиях или даже о когнитивистско-аналитическом подходе в теории сознания. Уже из такого перечня обсуждаемых тем становится еще более ясной и без того очевидная ситуация в современном социально-гуманитарном знании, где теоретическая социология с ее анализом действия или коммуникации и всеми вытекающими отсюда проблемами рациональности, обоснованности, истинности и смысла действия и коммуникации (подходы А. Гидденса, П. Бурдьё, Й. Хабермаса, Т. Парсонса) все больше конвергирует с аналитической теорией сознания, с анализом таких его конституэнт или «ментальных состояний», как *интенции, полагания, желания*, собственно и образующих каркас теории сознания-действия, и как следствие – уже некой социально-менталистской теории (прежде всего, подходы Д. Деннета, Д. Дэвидсона, Дж. Серла). Речь фактически идет о своеобразной междисциплинарной конвергенции теоретической социологии и теоретической «психологии», которые возможно в конечном счете сольются в особую – уже монодисциплинарную – синтетическую конфигурацию. Читая этих мыслителей, трудно различить, идет ли речь о теории действия или о теории сознания. Это подводит к мысли о том, что всякие дисциплинарные демаркации проистекают здесь исключительно от незнакомства тех или иных мыслителей с достижениями в сопредельных дисциплинарных областях.

Подход Н. Лумана явно входит в данную междисциплинарную парадигму, однако, его отличает две очевидные особенности. Во-первых, для этого «системно-коммуникационно-теоретического» подхода характерны еще более глобальные (впрочем, заложенное уже в пар-

соновских «latent maintenance») универсалистские притязания: попытка вовлечь в сферу анализа теоретической социологии и явления культуры – письменность, книгопечатание, что тем самым в каком-то смысле лишает так называемую культурологию ее – и без того проблематичной – дисциплинарной специфики. Именно с этим связана и лумановская тематизация культуры (или текстов в их самом широком их понимании), которая интерпретируется им в качестве *самоописания социальных структур*.

Причем и сами социальные структуры, в свою очередь, предстают исключительно в виде когнитивных реалий, а именно в виде *ожиданий*. Правда, ожидания связаны не столько с сознанием, хотя и наличествует в нем и «переживаются» им, сколько с миром коммуникации, в котором они «локализуются» внесубъектно и объективно – словно в попперовском третьем мире. Именно коммуникациям отводится, таким образом, особая роль когнитивного агента, хотя и лишеного сознания (т.е. переживаний – мыслей, аффектов, воспоминаний и т.д.), но осуществляющего как бы несознательную переработку содержаний коммуникаций и, прежде всего, дискриминационную активность – отбор содержаний диалогов, вытекающих из логики коммуникации, из того, что говорилось (и в типическом случае обычно говорится) *раньше*, и того, что в типическом случае может обсуждаться *позже*.

С этой «временной логикой» коммуникации (обеспечивающей отбор и переработку коммуникативного контента пусть и при участии сознания человека, выступающего собственно «селекционером» этих содержаний, но все-таки одновременно «подчиняющегося» этой –

автономной от сознания – логике времени) связана и вторая выдающаяся особенность лумановского труда. Речь идет о дальнейшей разработке специфически философских понятий: пространства, времени, субъекта и объекта. С одной стороны, мы имеем дело с попыткой

– в позитивистском духе – *натурализовать* традиционные понятия философии. Причем, с некоторыми приходится расставаться, приписав им статус «переходной семантики» на пути становления современной социологической теории. Так обстоит дело с понятием (трансцендентального) субъекта, в своих предикатах – вневременности, бессмертия, над-человечности – в свое время выступавшим эрзацем социологической теории, «несовершенноте» которой вызывалось самой неразвитостью ее объекта – еще недифференцированного на социальные системы – общества 18 века.

Впрочем, даже в таком полемическом противостоянии с теорией субъекта социологической теории, предметно определяющей себя как не-субъектную, все-таки приходится в определенной степени «вбрасывать в себя» это понятие – пусть в негативном виде, т.е. как не-субъект, – включая его в предмет своего собственного исследования и в свою собственную теоретическую структуру. Ведь социологическая теория, по мысли Лумана, всегда вынуждена иметь дело с самой собой, описывать себя саму как часть своего предмета и одновременно – часть истории своего теоретического становления. (Чему собственно и специально посвящается пятый том «Самоописания»).

Другим философским понятием повезло больше. Таким примерным оказывается понятие *времени* и коррелятивные ему понятия *события*,

мгновения, прошлого, будущего, актуальности и потенциальности, современности, процессов «темпорализации», выражающие, как говорили прежде, всё «своеобразие текущего момента». Понятия философии продолжают жить в «снятом» (= социологически *натурализованном*) виде в социальной теории. Недаром весь пятый том собственно и посвящен фундаментальным философским онтологическим понятиям, в особенности понятиям «бытия» и «ничто», «целого» и «части», симметрии «природы познания» и «познания природы», развитию их семантики и (не)возможностям интеграции в современное теоретическое знание. При этом именно понятие *времени* утверждается как наиболее фундаментальное для всей как «староевропейской», так и новоевропейской семантики.

В чем же состоит существо эпистемического подхода в социологии? Представим кратко некоторые положения социологической эпистемологии Никласа Лумана, эксплицированные из книги «Общество общества».

1. «Вначале было различие» – постулирует лумановская эпистемология, пытаясь этим постулатом «преодолеть» фундаментальное основание всей староевропейской метафизики, концентрирующейся, как известно, не на различиях, а на тех или иных «единствах» или «единицах», неважно, идет ли речь об элементарных объектах (атоме, апейроне) или элементарных идеальных конструкциях (логосе, эйдосе). С точки зрения этой новой системно-теоретической семантики реальным существованием обладают лишь системы (= различия между системами и их мирами) и различия, продукты селективной деятельности систем, их операции, например, переживания или пред-

ложения. Но если на ту или иную «онтологичность» могут претендовать исключительно различия между последовательностью событий (переживаний, предложений) и их мирами (т.е. тем, чем системы не являются, тем, что отклоняется как не системная операция, а лишь ее возможная тема), то, как следствие, приходится принимать решение о том, где же находится наблюдателю мира и системы. Т.е. о том, тематизирует ли он (сам, безусловно, являющийся системой, т.е. последовательностью операций) мир и осуществляет ли *инореференцию*, а значит обращается к смыслам слов, предложений, текстов, или же тематизирует саму тематизацию мира, обращаясь к тому, в каких – ноэтических – формах рассматривается мир, т.е. непосредственно к самим познавательным операциям (неважно, психическим способностям – слышанию, видению – или к коммуникативно-лингвистическим инструментам – высказываниям и текстам).

2. Из этой предпосылочной проблемы всякого наблюдения вытекает три ключевых эпистемологических тезиса данного социологического подхода:

2.1. познание – это конструирующее наблюдение;

2.2. наблюдение – это обозначение через отличие;

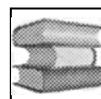
2.3. смысл – это форма медиума.

Первый тезис о познании как конструкции указывает на принадлежность лумановской концепции к более общему течению, получившему название «натурализованной эпистемологии». Натурализованные эпистемологии задаются вопросом об условиях возможности познания, но, в отличие от аналогичной кантианской проблематике, отказываются от всякого трансцен-

дализма, т.е. от признания некой окончательным образом структурно-определенной в своих способностях познающей инстанции – бессмертного субъекта или вечного сознания, – служащей познавательной матрицей, задающей структуру и последовательность этапов восприятия и его переработки для всех его эмпирических проявлений в виде конкретных человеческих сознаний.

Отказываясь от трансцендализма, эти натурализованные эпистемологии базируются на результатах исследований мозга. Но эти исследования указывают, что мозговые процессы и обусловленные ими восприятия обходятся практически без контакта с внешним миром организма. Только такое – почти полное – игнорирование чрезвычайно сложного внешнего мира и обеспечивает возможность сопряжения и сосуществования с ним, а иначе нейронные процессы оказались бы перегруженными требованиями реагировать на сверхсложный мир, распадающийся на свои бесчисленные состояния и события.

Ирритации внешнего мира даны исключительно количественно, скажем, как определенное количество фотонов, воздействующих на клетку в единицу времени, возбуждения которой самореференциально передается дальше уже в виде некоего электрохимического импульса по нейронной сети с определенными количественными параметрами, в то время как качественное «изображение», скажем, синева неба оказывается исключительно внутренним «достижением» мозга. Интенсивность сигнала не имеет ничего общего с характеристиками реального внешнего мира и качеством переживаемого контента. Однотонные последовательности импульсов преобразуются (перекодируются) в

качественные различия – запахов, цветов и звуков. Рождение этой картинке понимается в такого рода эпистемологиях как внутренние самореференциальные и самоэкспликативные, чрезвычайно избирательные и фрагментарные «исчисления описаний реальности»¹.

Этот натуралистически фиксируемый результат конкретных исследований становится теоретико-познавательным принципом избирательного самонаблюдения.

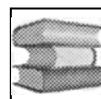
Ни один организм, ни одно сознание, ни одна общность не имеет когнитивного доступа к своему внешнему миру. Лишь через наблюдение собственных внутренних операций или состояний они формируют представление, уподобляемое лишь *впоследствии* реальности. «Наблюдатель» осуществляет описание своей собственной активности так, чтобы иметь возможность выбирать те или иные предметы восприятия среди им самим созданных объектов мира, как будто бы независимых от самого этого мира. Если говорить совсем коротко, то познание есть наблюдение собственных операций системы.

Из этого эпистемологического тезиса вытекает вся «онтология» теории систем: существуют системы, которые являются различениями себя самих, т.е. *обозначениями* самих себя посредством *отличения* себя от мира. Системообразование – как подсоединение элементов друг к другу – отождествляется с наблюдением, под которым как раз и понимаются процессы самообозначения через самоотличение. Таковыми самоотличающими себя системами являются и психические системы переживаний сознания и коммуникации в обществе. Переживания требуют следующих переживаний и

отличают себя от переживаемого в них контента. Коммуникации требуют следующих коммуникаций и тем самым отличают себя от своих тем. Через подсоединение одних элементов к себе и игнорирование других возникает идентичность, т.е. система тех или иных операций.

Третий эпистемолого-методологический тезис, а именно утверждение о том, что смысл есть форма медиума, в свою очередь, вытекает из когнитивной недоступности и чрезмерной сложности внешнего мира, требующей исключительно избирательных реакций на исходящие из этого мира раздражители. Для системообразования требуется упрощение или редукция мировой сложности или, что то же самое, генерация и актуализация смысловых механизмов, под которыми понимаются механизмы отбора запросов на подсоединение следующих системных элементов.

Смысл – есть форма, накладываемая на медиум, та или иная его конфигурация. Медиум – это слабоинтегрированная среда, например, воздух, колебания которого создают шумы, или свет, интенсивность которого предстает в виде цветов. Грамматические и вербальные формы, слова, предложения, звуки и буквы алфавита – словом, все то, что имеет отчетливо-выраженные характеристики, словно априорные, жестко интегрированные в своих элементах формы, «накладываются» или конструируются из «медиума», что делает возможным их немедленное восприятие, отличие их «на фоне медиума» от всех остальных частей медиума, шумов или цветов. И только благодаря этому одни восприятия или переживания подсоединяются к другим,

¹ Н. V. Foerster. Sicht und Einsicht. Versuche zu einer operativen Erkenntnistheorie. Braunschweig, 1985. S. 138.

а одни ранее произведенные вербальные формы подсоединяются к другим.

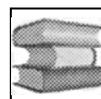
Смысл тем самым понимается как способ отбора системой того, что к этой системе принадлежит, из огромных массивов того, на что эта смысловая форма еще не наложена. В шуме различается слово, при этом оставаясь – пусть и более определенной – формой шума, и благодаря этому становится переживанием сознания. То же касается и других воспринимаемых форм – привычных гештальтов восприятия – деревьев, домов, геометрических фигур и т.д. Смысл – это способ упростить весьма многообразные возможности качественно-неопределенного восприятия (мира как медузы), сведя их к распознаванию более-менее знакомых форм. Здесь еще раз проявляется натуралистическая особенность такой эпистемологии, во многом опирающейся на данные психологии восприятия, в особенности на подходы австро-американского психолога Фрица Хайдера. (Хотя тот, кто немного знаком с историей философии, без труда различит в этих понятиях аристотелевскую диалектику переходящих друг в друга *хюле* и *морфэ*).

Применительно к собственно социологии такими смыслами выступают способы редуцировать многообразные возможности коммуникаций или запросы на контакты в ситуации, когда внешний мир коммуникации – все остальное общество, люди, природа – предлагает себя в качестве возможностей для обсуждения, и тем самым своей сверхсложностью перегружает ту или коммуникацию или систему коммуникаций. Ответом коммуникации оказывается ее дифференци-

ция на подсистемы через использование тех или иных (дифференцирующихся) смысловых механизмов упрощения мира (кодирование). Так, возникают системы науки, редуцирующие всякое обсуждение мира к предложениям, проверяемым на их истинность. Здесь задействуется смысловая схема отбора или код коммуникации *истина/ложь*.

Функциональным аналогом этого в системе политики оказывается смысловой коммуникативный код власти, благодаря которому из всего массива возможных коммуникативных обсуждений и возможных решений отбираются лишь те, которые обеспечиваются властью и релевантны для ее приобретения, могут «исчисляться» в голосах избирателей. Внешний мир системы коммуникаций редуцируется к своим отдельным системно-интерпретируемым аспектам, но каждая система делает это по-своему, создавая свою собственную рефлексию, рефлексируя свою собственную деятельность по редукции сложности этого мира. В политике эту рефлексию осуществляют «опозиционные» партии, а в науке – теория познания, которая, как особая отдифференцировавшаяся инстанция в рамках социологии, делает возможным анализ самой науки, анализ использования ею ее собственного смыслового механизма, различения истинного и ложного знания, ведь социология – это всего лишь коммуникация, направленная на изучение иных коммуникаций.

Эти эпистемические подходы показывают свою плодотворность не только применительно к социологической теории, но и к более общей теории информации, понятие которой конструируется на основе указанного понятия смысла. Всякий

«смысловой процесс» («Sinngeschehen») конституируется глубинным различием *актуальности и возможности*, которое и придает всякому переживанию информационное значение и ценность. Ведь информация возникает в системе благодаря тому, что импульсы вне этой системы запускают этот смысловой механизм или различие актуального (внутрисистемного, того, что как принадлежащий системе элемент, например, переживание или действие подсоединяется к системе, встраивается в нее как ее составляющая) и потенциального (внешнемирового, того, что отклоняется как нерелевантное или несистемное или же потенциализируется до лучших времен). Иными словами, информация возникает, когда система «чувствует» себя побужденной изменять через эти импульсы свои собственные структуры, когда интерпретирует нечто как новое, информационно-ценное, как релевантное для изменения ее состояния. Информация оказывается неким моментальным событием, запускающим в системе отбор (или актуализацию) ее собственных структур. В этом смысле информация есть всегда информация той или иной системы, поскольку информационная ценность перерабатываемого системой события непременно вытекает из того, меняет ли система свои структуры или оставляет их прежними, а значит игнорирует события вне ее.

Рамки рецензии не позволяют высказать претензии к аргументации автора, которых может быть

достаточно много. Прежде всего, бросается в глаза очевидная привязка всех смысловых форм и медиумов к медиуму *денег*. Очевидно, что каждый платеж есть конкретная форма медиума, которая не приводит к уменьшению его общего количества, как слабосвязанной среды, допускающей самые разные формы или манифестации в виде конкретных трансакций. То же с легкостью можно было бы допускать в отношении языка, который как слабоинтегрированная среда действительно «не расходуется», если принимает свои конкретные текстуально-выраженные формы и манифестации в виде языковых выражений. И в отношении медиума власти можно – уже с некоторым мыслительными усилиями – предположить, что последняя существует в виде некоторого слабоупорядоченного массива полномочий и компетенций, которые принимают конкретные формы в виде приказов и распоряжений. В отношении же других смысловых механизмов коммуникации – веры в религии, истины в науке, закона в правовой системе и т.д. – подобные утверждения если и не выглядят сомнительными, то все-таки требуют софистического обоснования, что заставляет работать над дополнительным встраиванием этих частных теорий в общий медийно-смысловой подход, нежели исходить из самого описываемого в теории содержания. А самореференция в науке не должна доминировать над инореференцией.